

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К МИФОЛОГИИ

Чуравский Роман Владимирович,

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

Рассматривается популярный в современной российской науке археологический подход анализа фольклорно-мифологического массива текстов. Подход предполагает отказ от попыток интерпретации фольклора и решение с помощью него историко-прикладных задач.

Научные штудии в отношении мифологии вплоть до начала XX в. исходили из понимания её как некоторого рода кода. Потому учёные, занимающиеся её изучением, стремились дать расшифровку и, тем самым, что-то узнать о жизни людей в древности. Исследователи исходили из того, что эти тексты – функциональны, что в них не имеется ничего лишнего, случайного, а сами они служат какой-то функции. Но такая точка зрения относительно мифов не является единственной, подтверждением чему может служить археологический подход. Само его название довольно-таки условно и призвано отразить цель направления: исследовать не сам по себе фольклор, а фольклор как средство, определённую категорию данных, позволяющую узнать что-то о прошлом. Такой подход ведёт к пониманию текстов не как зашифрованных массивов данных, а рассмотрению их так, как они есть, без необходимости их интерпретировать. Данное направление возникло в России относительно недавно и его основателем является фольклорист и археолог Юрий Евгеньевич Березкин. Однако определённые сходные моменты в отношении понимания мифа можно проследить и в трудах более ранних исследователей, среди которых стоит отметить Франца Боаса.

Ф. Боас – профессор антропологии, начавший свою карьеру как географ и физик, вскоре всецело посвятил себя фольклористике, лингвистике, этнологии, археологии, в которых стремился разобраться ввиду тогдашней размытости границ культурной антропологии. Особо дорогой областью для учёного была фольклористика, где он оставил после себя большой массив текстов индейцев, оформив их в базу данных [8].

В рамках этой базы, исследователь попытался сравнить тексты разных племён индейцев [4, с. 317]. В основу своей системы сравнения он положил наборы традиционных единиц, которые он назвал «элементы» [8]. Что это за единицы? Примерами таких элементов могут быть: «слепой возвращает зрение ныряя на спине гарары»,

«в лодку с путниками сажают собаку и она переводит их через океан» и т.п. [6]. Выделив в собранном им материале о мифах и сказках североамериканских индейцев элементы, Ф. Боас начинает их сравнение, с целью определить: являются ли они оригинальным происхождением во всех племенах или произошли заимствования традиции одного племени у другого. Сделать это ему, конечно, не удалось, по причине небольшой исследуемой территории, в пределах которой эти люди постоянно общались. Потому было совершенно нереально установить: является ли какой-то элемент независимым или он был создан в одном племени, а позже позаимствован другими. В итоге Ф. Боас оставил эти попытки.

Приблизительно в это же время, независимо и параллельно возникла ещё одна база данных фольклорного массива, получившая название система Аарне, в честь финского фольклориста Антти Аарне. В дальнейшем она подверглась обновлениям американского фольклориста Стита Томпсона и немецкого фольклориста Ганса-Йорга Утера, став называться система Аарне-Томпсон-Утер (АТУ). Она базируется на выделении элементарных мотивов, которые похожи на «элементы» Ф. Боаса. Однако эти данные, как в случае и с базой Ф. Боасом, содержали информацию лишь по отдельным регионам. К тому же, обе помещались на бумажных носителях из-за отсутствия возможности электронной обработки, что вызывало сложности в их распространении и своевременном дополнении.

Перенос всех этих данных, а также их дополнение начал в середине 1990-х годов Ю.Е. Берёзкин, создав обширную электронную систему фольклорных мотивов, которая функционирует до сих пор, постоянно пополняясь новым материалом. На сегодняшний день объем данных, который там хранится, составляет порядка 50000 текстов, что не является пределом, т.к. практически ежедневно база редактируется и обновляется. Состоит она из двух частей: тематической классификации, представленной в форме каталога и картографической модели, где можно посмотреть, как распространены на карте те или иные мотивы из каталога [7]. В базу заносится только те мотивы, которые встречаются в пяти или более традициях и, иногда, если мотив является надёжно опознаваемым, в трёх-четырёх [1, с. 11]. Всего в ней содержится более 2000 мотивов, которые разбиты на 11 тематических групп, по типу космогонические, приключенческие и т.п.

Возьмём для примера мотив под номером Н4. «Смена кожи как условие бессмертия». Если нанести этот мотив на карту, то мы увидим, что он довольно-таки популярен в Африке, Юго-Восточной Азии, Меланезии и Южной Америке [7]. Однако его практически нет в северной Евразии. Если сопоставить получившуюся картину с картиной миграций людей в первобытности, то окажется, что она накладывается на южный маршрут расселения людей современного типа из Африки: из Африки в Южную, Юго-Восточную Азию и Австралию, откуда потом в Северную и Южную Америки [2]. Как отмечает Ю.Е. Берёзкин, из этого можно сделать вывод о 50–70 тысячелетней истории этого сюжета. Опровергнуть эту гипотезу могут лишь два положения: либо такие сюжеты занесены сюда рабами из Африки, либо такой мотив возник независимо. Однако на первое автор отвечает, что в этот регион завозили рабов из района Африки, где не было этого сюжета. Относительно независимости он указывает, что в некоторых случаях сюжет включает в себя одну специфическую деталь – старых людей, которые когда-то давно сбрасывали кожу и омолаживались, но в ходе очередного раза их побеспокоили во время этого процесса, а потому они перестали это делать [2]. Такое сочетание деталей, по мнению учёного, делает идею независимого их возникновения маловероятной.

Косвенным подтверждением такой концепции исследователя, может служить другое исследование Ю.Е. Берёзкина, где с помощью математических методов

было доказано, что лингвистическое родство мало влияет на схожесть фольклорных мотивов. В итоге, мигрируя по планете, люди постепенно утратили языковое единство, но сохранили изначально одинаковые фольклорно-мифологические традиции [3].

Начиная с конца XIX в., когда господствует эволюционизм, и весь XX в., когда возникли психоанализ и школа структурализма, исследователи в основном считали мифы универсальными, предлагая разные интерпретации. Однако XXI век, когда активно развивается междисциплинарность естественных и гуманитарных наук, даёт возможность по-новому взглянуть на фольклорно-мифологический массив данных, привлекая их для решения конкретных историко-прагматических задач.

Литература

1. Березкин, Ю. Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе / Ю. Е. Березкин. – СПб. : Наука, 2013. – 320 с.
2. Березкин, Ю. Е. О чем говорили наши далекие предки? / Ю. Е. Березкин, С. А. Боринская // Природа. – 2014. – № 12. – С. 48–54.
3. Исследование фольклорно-мифологических традиций с использованием методов интеллектуального анализа данных / О. В. Сенько [и др.] // Сб. науч. тр. / МАЭ РАН. – СПб., 2010. – Вып. 4. – С. 97–108.
4. Клейн, Л. С. История антропологических учений / Л. С. Клейн. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. – 744 с.
5. Неклюдов, С. Ю. Диалектность — региональность — универсальность в фольклоре / С. Ю. Неклюдов // Сб. науч. тр. / Научная книга. – Воронеж, 2012. – Вып. 4. – С. 8–38.
6. Система «элементов» Франца Боаса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stepik.org/lesson/Система-элементов-Франца-Боаса-5812/step/2?course=Археология-фольклора-мифологические-массивы-на-карте-мира&unit=1140>. – Дата доступа: 27.02.2018.
7. Berezkin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aethd.com/>. – Дата доступа: 18.04.2017.
8. Boas, F. Mythology and Folk-Tales of the North American Indians / F. Boas // The Journal of American Folklore. – 1914. – Vol. 27, №106. – P. 374–410.